

Проживание у Сириуса Блэка не было лишено комфорта. Несмотря на довольно средневековые порядки в роду, по закону министерства магии Сириус оставался наследником рода Блэк. Вальбурга Блэк могла хоть трижды выжигать гобелен, проклиная неблагодарного сыночка, в итоге Сириус остался последним живым Блэком.

Состояние рода, движимое и недвижимое имущество могло отойти тем-же Малфоям, если бы Сириуса не оправдали. Вальбурга могла в порыве гнева написать завешание, однако, даже если б таковое нашлось, мало кто воспринял бы бумажку всерьез. Лишение наследства древнего рода рассматривалось бы в суде, и хоть у Сириуса после Азкабана осталось крайне малое количество друзей, одна влиятельная персона по прежнему на его стороне. Альбус Дамблдор ни за что не лишил бы своего сторонника финансовой мощи.

В итоге Блэк вечерами у камина, после ежедневных тренировок, потягивал дорогое вино, вспоминая деньки в Хогвартсе. Приступы ностальгии на крёстного отца накатывали регулярно, особенно когда Сириус накатывал бутылку другую, вынуждая меня слушать часами интересные истории.

Мало того, что я теперь находился под усиленным надзором, так моё вынужденное пребывание в доме Блэков не скрашивалось ничем увлекательным, или познавательным. Как я и предполагал, родовая библиотека оказалась сборником пусть редких, но вполне доступных книг. Ничего дороже пары сотен галлеонов в библиотеке не оказалось. Разве что несколько портретов, имеющие чисто историческую ценность, могли похвастаться суммой переваливающей за несколько тысяч галлеонов. Сириус готов был продать их за кнаты.

— Слишком сильно ворчат. — Поделился он со мной гениальным высказыванием в состоянии алкогольного опьянения.

На третий день пребывания в гостях у крёстного отца, я смог привести аргументы в свою пользу. Сидеть под фактическим домашним арестом, хоть и для моего же блага, по мнению несведущих магов, я категорически не имел права. Бизнес, освоение новых умений, выяснение мотива напавших на меня невыразимцев, слишком много дел требовали моего непосредственного участия. Я нашел доводы, вроде домовика Кикимера способного вытащить меня из любой облавы, плюс подкрепил их суггестией. Три дня мне понадобилось, дабы проверить всё без малейшего вреда для здоровья и, что важнее, полностью незаметно. Теперь для Сириуса моё мнение значит куда больше мнения Дамблдора. Напоследок я развернул свои чары в доме крёстного, на случай прибытия незваных гостей.

За время моего отсутствия на производстве ничего критичного не случилось, зато отдел по связям с общественностью начал показывать первые результаты. Сотрудники отдела развернули пиар-компанию за рубежом, в таких странах как Индия, Япония, Китай и Корея. В Европе дальнотеркала приживались хорошо, партии закупались, пробовали делать подделки. Имя изобретателя из Роггевеена становилось знаменитым, товар узнаваемым. Пришло время расширения. Остро встал вопрос о постройке третьей мануфактуры, когда из Японии пришли заказы от несколько знаменитых магических лавок.

Новых работников пришлось на неделю пристраивать вместе с остальными. Я все же был

вынужден, последовать совету знаменитого архитектора и нанять его знакомого. Рекомендованный маг отнёсся к работе со всей серьезностью. Это был парень двадцати пяти лет, успевший снискать кое какую репутацию. Если бы я копнул глубже, то наверняка обнаружил бы родственную связь между ним и поручителем. Однако я закрыл глаза на кумовство, когда парень вместе с бригадой магов-строителей сделали идеальную работу в срок. Парнишка сам оказался заинтересован в блестящем результате, и дело отнюдь не только в деньгах. Такая работа замечательно дополнит и без того внушительное портфолио.

Третье здание получилось как первые две вместе взятые. По моим прогнозам, строить нужно с заделом на будущее, иначе времени не напасёшься разбираться со всё возрастающим спросом. И хоть работники третьей мануфактуры не задействовали и половины всех помещений, в скором времени к ним присоединились сотрудники нового отдела «VTT» — развлечений.

Набор художников-зачарователей шёл полным ходом, на собеседование приходили первые кандидаты. Креативные личности сразу уцепились за мою задумку, ведь что по сути требовалось от них? Рисовать те же живые портреты, только в миниатюре, наподобие карточек из вкладышей шоколадных лягушек. Ещё парочка выпускников Хогвартса, с оценками «Превосходно» по нумерологии, займутся правкой очков силы карт, балансом фракций. Рабочие одной мануфактуры слишком малая база потребителей. Опыт игры пары десятков магов недостаточен для выявления дисбаланса. Дабы полноценно протестировать игровые механики, отдел по связям с общественностью нанял команду из нескольких сотен волшебников, сквибов и просто причастных к магическому миру людей. Выводы были ободряющими. Людям игра пришлась по вкусу.

В начале августа игра ворвалась на рынок магической Британии. Первая партия набора для Гвинта распродалась ожидаемым темпом — игру ждал успех. Число обращений на поставку новых комплектов росло, все чаще я стал замечать в пабах компании волшебников, сгрудившихся вокруг стола за партией в Гвинт. Я не прогадал с выбором оформления карт. Местные знаменитости занимали место на зачарованной доске по велению простых чародеев, позволяя им ощущать себя приобщенными к великому делу. А уж крылатые фразы, произносимые карточными героями и вовсе начали уходить в народ. Эх, сколько трудов стоило мне убедить Дамблдора произнести «Для Всеобщего Блага» и «Иногда мой мозг удивляет меня самого».

Директор Хогвартса дал добро на использование его личности и самолично озвучил несколько десятков реплик. Его карточка получилась самой непредсказуемой, обеспечивая игрокам изрядное преимущество, даже если не повезло с произвольно выпадающим эффектом.

Были карточки менее известных магов, мракоборцев всяких, героев магической войны, и разумеется, в противовес им была представлена фракция Волан-де-Морта, с ним же в роли лидера. Как ни странно, пожиратели смерти продавались лучше двух других фракций. Решение сделать из террористов отчасти комичных персонажей, публикой было воспринято благосклонно. Тот же Волан-де-Морт, чья карта давала игроку сразу двенадцать баллов, сгорал, если выложить ничтожный отряд в один балл силы. Юмор оценили. На некоторых карточках, были изображены пожиратели из приближенных к темному лорду. Был там и Люциус Малфой, хоть маска и скрывала его лицо, платиновые волосы и характерное «Я презираю вас так же, как и других, молча» выдавали главу рода Малфой с головой.

Продажи игры начали набирать обороты, ажиотаж вокруг Гвинта увеличил мой капитал в Гринготтсе, породив очередную волну зависти. Те, кто служил Волан-де-Морту, избежав наказаний в послевоенное время, выражали свой протест в ежедневном пророке, находя те или иные карточки подозрительно похожими на собственные персоны. Мракоборцы в дырявом котле, играя за пожирателей смерти причитали: Пусть вякают что хотят, они ещё благодарны должны быть, что мы не можем определить точно, кто был под Имперкусом. Будь моя воля, я бы всех сгноил в Азкабана! Эту фразу я добавил карточкам авроров. Вот парень порадует, когда выйдет следующая редакция Гвинта.

Другие магические издания так же оседлали актуальную волну обсуждений. Однако на моей стороне был «Ежедневный Пророк» и самый одиозный писатель на островах — Рита Скитер. Она обвиняла «ущемленных и невиновных» в малодушии и трусости, а я радовался. За пару сотен галлеонов я купил не только лояльность журналистки, но и её храбрость.

— Неужели она не догадывается, кого подначивает? Вдруг кто-то из пожирателей решит её убить? — спросил меня как-то Сириус почитывая ежедневный пророк. — Я понимаю, тема весьма обсуждаемая, но я видел эту дамочку. Она не выглядит как та, кто может за себя постоять. Тем более, из-за дурацкой игры...

— Ты так говоришь только потому, что до сих пор не смог выиграть ни одной партии. Просто признай, из нас двоих я лучший игрок.

— Ты просто играешь сильнейшей колодой. Этот Вильгефорц, по-моему, симпатизирует пожирателям. Махнёмся колодами?

— Охотно.

Спустя ещё две партии Сириус наконец-то признал моё превосходство. Трижды ха! Хотя на картах и красовались новые лица, эффекты большинства остались неизменны. Разумеется, я знал наилучшие комбинации карт, и ещё долго буду на вершине, пока не появятся профессиональные игроки, отдающие себя игре целиком и полностью, вроде игроков в квиддич. Составить конкуренцию любимому спорту магов вот так, сразу, я не смогу, ведь против овечьей славы и традициями исторической забавы не выступишь одной идеей. Нужны турниры, спонсируемые огромными суммами денег. Предчувствие или предвидение, в последнее время эти умения сливаются воедино, говорят об успехе моего начинания.

Сириус, показательно расстроившись, перевернул газету и ещё раз зачитал статью на второй полосе. Там говорилось о казни Питера Петтигрю. Два дня назад приговоренного к поцелую дементора предателя настигла участь, которую не достаивались другие убийцы в Азкабана. Его душу скормили нежити. Маги могут стерпеть убийство нескольких маглов, но стоит ткнуть их лицом в дерьмо, уязвить их гордость, и последующая кара будет ужасать даже прожжённого вояку.

— Этот гвинт захватил все главные полосы, даже про казнь ублюдка написали не на первой полосе. На протяжении двенадцати лет я мечтал удавить гада собственными руками, зная, что

всё равно не смогу вернуть твоих родителей.

— Есть вещи, неподвластные даже магии.

— Все равно... Я думал это принесёт мне какое-то извращенное удовольствие, но потом понял, что это будет банальной местью. И знаешь что? Я бы с радостью убил его, хоть Дамблдор и говорит, что убийство раскалывает душу. Иногда мне кажется что Дамблдор с высоты своего полёта, не замечает возможности обычных магов.

— Сириус, думаешь мне есть дело до того, как назовут убийство этой крысы, справедливостью, карой, местью или расколом души? Плевать мне на слова, как и плевать, кто держал бы палочку. На худой конец, сам бы справился.

— Нет Гарри, ты не должен о таком задумываться. Убийство не тот акт, о котором можно рассуждать легкомысленно.

— Почему? Разве убийство маньяка, или тёмного мага, вроде тех же пожирателей смерти, не сделает мир чище, безопаснее, лучше?

— Ты видишь проблему однобоко, однако я общался со множеством авроров, на своём веку участвовавших во множество схваток и всякого навидавшихся. Им приходилось убивать, Гарри. Много. Они мне говорили, что со временем у них стало получаться лучше и лучше, а угрызений совести становилось меньше. — По мере монолога Сириуса я вспоминал своё прошлое, и как же он был прав. — В конце концов, ты видишь лишь одно, как решить проблему на корню — убийством, легчайший путь. Но ты перестаешь замечать другие возможности, другие перспективы. Есть дороги более длинные, тяжелые, но в конце пути и награда больше.

— К примеру?

— Изменить мышление общества. Сделать так, чтобы мысли о силовом решении вопроса вызывали у большинства магов отторжение, осуждение. Превыше собственных амбиций и всяких идей должна стоять человечность.

— Поверишь ты мне или нет, но я понимаю к чему ты клонишь. Мечты Дамблдора полностью неосуществимы. — В разговоре с Сириусом я не применял суггестии. Нет никакого удовольствия спорить с заранее лояльно настроенным собеседником. — С каких пор человечность воплощает одну лишь доброту и торжество разума? Людям свойственен гнев, глупость, жестокость, лицемерие, страх, наглость. Эти качества по прежнему присущи нам, людям. Если отбросить их, то останемся ли мы людьми?

— Вопрос цены. Сколько ты готов отдать? Вопрос в совести. На какие уступки пойдешь, сможешь ли ты дальше жить беззаботно, принимая то или иное решение. Этому меня научили в Хогвартсе.

— Странно, я думал там учат превращать спички в серебряные иголки, а мышей в кубки.
— Сириус ухмыльнулся.

— Ну, не без этого конечно. Всякий навык полезен магу.

— Как мне кажется, ты сам ответил на свой вопрос, Сириус.

— Да, и как же?

— Ты бы с радостью убил Питера Петтигрю, а значит — смог бы дальше жить с этим. Соответственно, твоя душа бы не раскололась. Я думаю Дамблдор вкладывает в словосочетание «расколота душа» метафорический смысл, нежели прямой.

— Ей, ты точно Гарри Поттер, четырнадцатилетний парень, будущий ученик четвертого курса Хогвартса?

— Нет, я колдун-социопат, реинкарнировавший из другого мира в тело Гарри Поттера и намеревающийся захватить весь мир. — Прорекламировал я чистую правду абсолютно серьезным лицом.

Сириус рассмеялся залихватистым хохотом. Я так же усмехнулся тому, насколько нелепо прозвучал сей спич. Никто не поверит в такую правду, даже если я продемонстрирую нестандартные для здешнего социума возможности. И это замечательно!

Возможности души слабо изучены, взять к примеру того же Волан-де-Морта. Сколько раз он раскалывал свою душу, сколько раз его уже убивали, а он всё не желает окончательно покинуть сей бранный мир. Сколько людей на самом деле догадываются о его расколоте души? Массы даже не слышали о такой вещи, как крестраж. Сириус ошибается, думая что Гвинт задвинул новость о казни Петтигрю на вторую полосу. Нет, всё гораздо проще, люди не хотят читать о таком методе умерщвления, как потеря души. Это ведь непостижимо смертному уму, а потому до чёртиков страшно.

Оставив Сириуса в гордом одиночестве возле камина, я направился в выделенную мне комнату, по забавному совпадению опять-таки на втором этаже. Весьма просторное помещение отлично подходило под мои нужды. Заселившись, первым делом я нашел маленькую лазейку в защите дома, развернув в ней свои охранные чары. Таким образом я смог заблокировать доступ к спальне даже хозяину дома. Позже я взял под ограниченный контроль место силы дома и, хоть полный пакет возможностей мне не светит ввиду отсутствия нужной крови в жилах, но гостевой пропуск у меня в кармане.

В комнате я принялся за работу, к которой не мог подступиться уже месяц, с тех самых пор как нашел диадему Кандиды Когтевран в выручай-комнате. Идею создать артефакт-компас указывающий на местоположение других крестражей я не отбросил. Наоборот, всё это время прикидывал варианты наиболее успешной реализации. Забавно, но будучи властелином

времени, я всё никак не мог выкроить пару лишних дней на по настоящему важные дела — уничтожение главного врага.

Есть ещё одна причина, почему я оттягивал уничтожение крестражей. Мне это не выгодно. Волан-де-Морт должен быть уничтожен прилюдно, с максимальной выгодой для моего имиджа. Репутация превыше всего, а наращивать её легче всего в каком-нибудь генеральном сражении с всеобщим злом. Кто станет воспринимать всерьёз слова юноши, если его подвиг останется незамеченным? У меня есть солидный кредит славы, но он тает с каждым днём...

Посему я засел за созданием артефакта поисковика, дабы в нужный час я имел весомый контраргумент против тёмного лорда. Диадема основательницы Когтеврана не монолитное украшение. На самом деле крестражем был лишь изумительной красоты сапфир инкрустированный в диадему. Дабы не портить сам головной убор, я аккуратно выковырял камень оттуда.

На протяжении каждого часа работы по созданию нового артефакта, крестраж пробовал мою волю на зуб, без каких либо результатов. Он пытался насыщать видения, разбивающиеся о мою ментальную защиту, нащёптывал сводящие с ума мысли, которые больше смешили или раздражали, но в итоге я завершил свой труд. Сапфир оказался оправлен в серебряную подвеску на серебристой цепочке. Пришло время испытать его.

Достав из чемодана купленные заранее карты британских островов, городов и поселений магов, я провёл над ними кулоном. Стоило подать немного магии в артефакт, как руны на подвеске вспыхнули, а камень точно судейский молот упал на Лондон, Косой переулок, Банк Гринготтс, вынося приговор хранителям крестража.

<http://tl.rulate.ru/book/47633/1320985>